

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА

ОТ ИДЕИ К НАРРАТИВУ: ДИАЛЕКТИКА ДИСКУРСА И ПРАКТИКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

SPECIAL SECTION
FROM IDEA TO NARRATIVE: DIALECTICS
OF DISCOURSE AND PRACTICE OF INTERPRETATION

ОТ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
FROM THE EDITORS

УДК: 130.2:[159.955.1+81'42+303.442.4]
ГРНТИ: 13.07.25
ВАК: 5.10.1.

DOI: 10.36343/SB.2024.40.4.000

МАЛЫГИНА Ирина Викторовна
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой мировой культуры Московского
государственного лингвистического университета,
Москва, Российская Федерация

Irina V. MALYGINA
Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Moscow State Linguistic University,
Moscow, Russian Federation
irinamalygina@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-2145-7953

Идея, нарратив, дискурс и интерпретация – эти понятия образуют сложную сеть взаимоотношений, через которую культура конструирует и осмысляет саму себя. В основе любого культурного явления лежит идея – некое абстрактное зерно, требующее оформления в коммуникативную форму. Однако переход от идеи к нарративу невозможен без дискурса – системы языковых и социальных практик, задающих рамки для интерпретации.

Дискурс, по определению Мишеля Фуко, – это не просто речь, но система правил, определяющих состав объектов коммуникации и ее способ [6, с. 48]. В российской традиции эту мысль развивал Ю. М. Лотман, основатель тартуско-московской семиотической школы, рассматривавший культуру как «семиосферу»: пространство, где знаки взаимодействуют, порождая тем самым новые смыслы. Например, в работе «Культура и взрыв» [1] исследователь анализирует, как революционные идеи 1917 года трансформировались в нарративы, популяризовавшиеся советским государством. Абстрактные лозунги о равенстве и справедливости преобразовались в идеологемы о «светлом будущем», которые структурировали общественное сознание через утверждение новых символов и традиций, воплощавшихся в кино, литературе и искусстве. Дискурс революции, первоначально радикальный и хаотичный, кристаллизовался в стройную систему смыслов, интерпретацию социокультурной реальности.

Значительное влияние на развитие современной российской и мировой науки о культуре имеют идеи М. М. Бахтина, чья теория полифонии и карнавализации раскрывает диалектику официального и народного дискурсов. В книге «Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» [2] М. М. Бахтин показывает, как карнавал становится пространством инверсии: смех и телесность низвергают доминирующие нарративы, создавая альтернативные формы смысла. Этот подход применим и к советской культуре: например, анекдоты и частушки 1970–1980-х гг., пародировавшие партийную риторику, были не просто юмором, но актами, переосмысливавшими официальный дискурс через практику интерпретации.

Интерпретация является своеобразным мостом между дискурсом и нарративом. При этом в полном соответствии с законами диалектики дискурс формирует нарратив, а нарратив, в свою очередь, переопределяет дискурс, создавая пространство для новых интерпретаций. Как отмечал Б. А. Успенский, смысл текста всегда зависит от культурного кода, который читатель привносит в процесс декодирования: «Интерпретация есть акт соотношения текста с внеположенной ему системой кодов» [3, с. 12]. При этом интерпретации одного и того же объекта, созданные с помощью разных декодирующих систем, приводят к совершенно неодинаковым результатам. Например, советские фильмы 1930-х гг., такие как «Чапаев» братьев Васильевых, воспринимались современниками как героические эпосы, но сегодня они читаются иначе – через призму постсоветского социокультурного опыта и связанной с ним деконструкцией мифов. Изменение контекста превращает старый нарратив в новый объект интерпретации, что ярко иллюстрирует диалектику дискурсивных практик.

Современные российские исследования подтверждают эти наблюдения. В частности, проект «Прожито», созданный историком М. А. Мельниченко, представляет собой цифровой архив личных дневников XX в., в котором персональный опыт становится нарративом, вплетенным в коллективную память. Дневник колхозницы 1930-х гг. или война, сражавшегося на фронтах Великой Отечественной, будучи опубликованными, перестают быть лишь личным текстом — он вступает в диалог с актуальным историческим дискурсом, подчас предлагая альтернативные интерпретации. Это пример того, как практика работы с текстами меняет сам способ конструирования истории.

Современная культурная жизнь России демонстрирует, как старые идеи обретают новые нарративные формы. Ярким примером в данном смысле является выставка «Сокровища Нукуса» (2017), представленная в залах ГМИИ им. Пушкина. Экспозиция включала более 250 произведений из фондов Государственного музея искусств Республики Каракалпакстан имени И.В. Савицкого. Проект, изначально задуманный как демонстрация межкультурного сотрудничества, стал поводом для дискуссий о специфике сохранения произведений искусства в провинциальных музеях Советского Союза. Кураторы невольно запустили процесс реинтерпретации: зрители и критики обратили внимание на то, сколь уникальны произведения искусства, хранящиеся в периферийных музеях России и ближнего зарубежья, и насколько сложным был процесс создания этих коллекций [5]. Таким образом, выставка стала не только культурным событием, но и своеобразным экскурсом в историю музейного дела.

Можно заключить, что диалектика дискурса и интерпретации – это нескончаемый процесс, в котором идеи обретают плоть, а нарративы – новую жизнь. Российская культурология, от Лотмана до современных исследователей, убедительно доказывает, что любой текст или артефакт – не застывший объект, а поле активного взаимодействия смыслов. Любая культурная практика – кино, выставка или цифровой архив – становится лабораторией, где старые дискурсы переплавляются в новые нарративы, а интерпретация выступает инструментом переосмысления реальности. В этом движении от идеи к нарративу – суть динамики культуры, вечно балансирующей между традицией и новацией.

Редакция нашего журнала в заглавной рубрике этого номера решила обратиться к достаточно непростой, но актуальной теме дискурсивных и интерпретационных практик. В статье М. Ю. Парамоновой показано, какой сложный путь прошла интерпретация образов святых, чья историчность не подтверждена или подвергается сомнению. Автор отмечает, что формирование легенды о святом и соответствующей традиции его почитания следует понимать как достаточно медленное (зачастую многовековое) расширение соответствующего нарратива, осуществляемое путем рационализации и историизации. Объектом исследования В. В. Патерькиной и Н. С. Ищенко является роман братьев Стругацких «Трудно быть богом» и его кинематографические воплощения, интерпретируемые с точки зрения концепции политического гностицизма Эрика Фёгелина. В статье показано, как применение философско-культурологического подхода к анализу произведений Стругацких позволяет раскрыть религиозные корни атеистической идеологии, эксплицируя связь материализма с гностическим дуализмом.

Думается, что оба исследования, представленные в рубрике, раскрывают универсальность дискурсивных практик: будь то формирование сакральных нарративов или деконструкция идеологий через художественные тексты. Научная и методологическая значимость представленных исследований состоит еще и в том, что их авторам удалось показать значение интерпретации как инструмента познания, связывающего прошлое с настоящим, миф – с реальностью, а культурные коды – с глубинными философскими истоками.

Использованная литература:

1. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Гнозис, 1992. 272 с.
2. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1965. 543 с.
3. Успенский Б. А. Поэтика композиции. М.: Искусство, 1970. 224 с.
4. Прожито: электронный архив личных дневников [Электронный ресурс] / ред. М. Мельниченко. URL: <https://prozhitto.org> (дата обращения: 15.10.2023).
5. Сокровища Нукуса. Беседа на выставке [Электронный ресурс] // Артгид. URL: <https://artguide.com/posts/1228> (дата обращения: 15.10.2023).
6. Фуко М. Археология знания / пер. с франц. С. Митина, Д. Стасова. СПб.: Гуманитарная Академия, 2004. 416 с.

References:

1. Lotman, Yu.M. (1992) *Kul'tura i vzryv* [Culture and Explosion]. Moscow: Gnozis.
2. Bakhtin, M.M. (1965) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Renessansa* [The Work of François Rabelais and the Folk Culture of the Middle Ages and Renaissance]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
3. Uspensky, B.A. (1970) *Poetika kompozitsii* [Poetics of Composition]. Moscow: Iskustvo.
4. Prozhitto: elektronnyy arkhiv lichnykh dnevnikov [Lived Through: Electronic Archive of Personal Diaries] [Online] / ed. Melnichenko, M. Available from: <https://prozhitto.org> (Accessed: 15.10.2023).
5. Sokrovishcha Nukusa. Beseda na vystavke [Treasures of Nukus. Conversation at the Exhibition]. (2023) *Artgid* [Artguide] [Online]. Available from: <https://artguide.com/posts/1228> (Accessed: 15.10.2023).
6. Foucault, M. (2004) *Arkheologiya znaniya* [Archaeology of Knowledge]. Saint Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya.